

Динамизм или эссенциализм? (К вопросу описания реальности)

Севальников А.Ю., Институт философии РАН
sevalnicov@rambler.ru

Аннотация: В работе предложена «сетка» понятий и категорий, в рамках которой можно адекватно описать сущностные свойства квантовых явлений, а именно их существенный динамизм, а также феномен «нелокального реализма». Показано, что предложенная система понятий требует существенного выхода за рамки декартовской парадигмы.

Ключевые слова: Метафизика, онтология, квантовая механика, нелокальный реализм, динамизм, трансцендентное

Поводом к написанию статьи стали последние открытия в физике, следствия из которых остаются пока совершенно неясными для большинства физиков. Для нас эти работы интересны тем, что они реально вторгаются в область философии, настоятельно заставляя задуматься о концепции существования. Речь идет о проверке т.н. «неравенств Леггетта», которые в свое время¹ были предложены лауреатом Нобелевской премии Энтони Леггеттом для проверки т.н. «нелокального реализма». Это понятие вводилось в рамках теорий, пытающихся объяснить явление «квантовой запутанности». При этом в отличие от концепции «локального реализма», здесь пытаются сохранить одновременно и нелокальное влияние пространственно-удаленных объектов и реализм. Реализм для физиков – это такая точка зрения, согласно которой результаты наблюдений являются следствием предсуществования свойств и характеристик физической системы до самого акта наблюдения. «Нелокальное влияние» - это такое явление, при котором в двух пространственно удаленных областях происходят одновременные коррелированные события. Многочисленные эксперименты, проведенные в настоящее время, убедительно показывают, что все выводы квантовой механики несовместимы с предположением, что наблюдаемые свойства объекта существуют до наблюдения как объективная самостоятельная внутренняя характеристика квантовых объектов. Это не означает, что эти свойства и характеристики не существуют вообще. Они как раз существуют, но понятие существования в квантовой области радикально выходит за рамки декартовской

¹ A. J. Leggett. Nonlocal Hidden-Variable Theories and Quantum Mechanics: An Incompatibility Theorem // *Found. of Phys.*, 33, 1469 (2003).

парадигмы, где существование ограничивается только пространством и временем. Под давлением фактов мы вынуждены отказываться от представлений декартовской парадигмы, при этом необходимо говорить об «предгеометрии», о тех феноменах - что конституируют явленное в пространстве и времени, но самому ему не принадлежит. Именно здесь и открывается поле деятельности для философии, для переосмысления сложившихся стереотипов. Наша работа и направлена на решение этой задачи. В ее рамках набрасывается такая схема понятий, которая позволит схватить допространственное бытие квантовых объектов и их наблюдение в пространстве-времени, с одной стороны, а с другой - существенный, не устранимый процессуализм и динамизм квантовых явлений, который также должен получить свое «оправдание» в рамках предлагаемой схемы. В попытке выстраивания такой «понятийной сетки», мы отталкиваемся от точки зрения Гейзенберга, что метафизика Аристотеля является удобным средством для интерпретации явлений квантовой механики. Сопряжение истин квантовой механики и метафизики Аристотеля часто вызывает отторжение и «аллергию», людей привыкших мыслить в рамках новоевропейской метафизики. Однако в данном утверждении я согласен с Хайдеггером, когда он в «Цолликоновских семинарах утверждал, что «вы должны научиться не приходить в ужас, когда вам говорят об Аристотеле. Аристотель и древние греки не «выдохлись», не «устарели». Напротив, мы даже не начинали их понимать»². Рассматривая явления квантовой механики, можно констатировать - да, метафизику Аристотеля мы даже «не начинали понимать». Опять можно сослаться на Хайдеггера, утверждавшего, что «аристотелевская “Физика” есть сокровенная и потому ещё ни разу не продуманная в достаточной степени основная книга западной цивилизации»³. Наверно действительно существует циклическое развитие истории, касающееся в том числе и философии, когда мы вынуждены обращаться к, казалось бы, давно забытым и отброшенным идеям и представлениям. В данном случае в физику и философию настойчиво входит понятие трансцендентного, которое постепенно стало уходить со сцены философии, начиная со времени Возрождения.

Представляется крайне интересным тот факт, что физика того времени стала катализатором существеннейших преобразований в философии, что и привело, в конечном итоге к появлению новоевропейской философии. В свое время нам уже

² Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары. Вильнус: УГУ, 2012. С. 48.

³ Хайдеггер М. О существе и понятии *φύσις*. Аристотель «Физика» β-1. М. Медиум. 1995. С 31.

приходилось об этом писать⁴. В то время переосмысление понятия движения, начиная с Меланхтона и кончая Галилеем и Декартом, привело к совершенно новым воззрениям на природу. Уже у Меланхтона движение, идеи которого восходили к аввероисткой интерпретации Аристотеля, начинает трактоваться как акциденция - как внутреннее свойство, присущее самому предмету. При таком понимании движения больше не требуется аристотелевской онтологической рефлексии об акте и потенции; оно может быть объяснено свойствами, присущими движимому объекту и причинами движения. Начиная с Меланхтона, природа начинает осмысливаться в рамках всеобщей связи явлений, связи всего со всем, всеобщей причинности бытия, исходя из чего и может быть понято движение. Здесь уже не нужно вводить разделение на акт и потенцию, движение, повторим, начинает пониматься исходя из внутренних свойств вещи. При этом уже не требуется отсылка к «иному», к трансцендентному началу, являющемуся источником движения и изменения вещи. Такая позиция еще не может рассматриваться как материалистическая, а связана просто с деонтологизацией аристотелевско-схоластической натурфилософии. «Отказ от учения об акте и потенции в понятии движения, центрального в аристотелевской онтологии, и всеобщая причинность ни в коем случае не означает для Меланхтона отрыва от божественной основы мира. Для него это – устранение старого дуализма: силы для объяснения движения и материи не появляются извне, не противостоят им в онтологическом смысле; весь порядок исходит из самой природы, т.к. такой её создал Бог»⁵. Итак, порядок вещей исходит из самой природы. Здесь проявляется тенденция понимания природы исключительно на основе имманентных ей принципов и законов, тенденция, которую завершит потом только Рене Декарт, у которого все душевно-духовное уже стало полностью отделенным от материи. Эта тенденция приводит, в конечном счете, к пониманию материи как чего-то самостоятельного, со своими законами и независимым существованием. Меланхтон настойчиво использует понятия «*machina mundi*» и «*universa machina*», пришедшие из схоластики, которые у него характеризуются всеобщей причинностью, проявленной через математические структуры природного универсума.

⁴ Севальников А.Ю. Возвращение к метафизике // Метафизика. Век XXI. М. Бином. Лаборатория знаний. 2007 г. С. 88-106.

⁵ Frank, Günter. Gott und Natur - Zur Transformation der Naturphilosophie in Melanchhthons humanistischer Philosophie, in: Melanchhthon und Naturwissenschaften seiner Zeit // Melanchhthon - Schriften der Stadt Bretten. Hrsgb. von Stefan Rhein und Heinz Scheible. Bd. 4. Jan Thorbecke Verlag Sigmaringen, 1998. S. 50.

Вся эта концепция, получившая достаточно стройное завершение в работах Филиппа Меланхтона, была подготовлена позднесcholастической натурфилософией и философией итальянского Ренессанса: рассмотрение субстанциальных форм как момента, внутренне присущего самой материи. Именно Возрождение, работа больших и малых философов этого времени, а также не в меньшей, если в не большей, степени творения художников и поэтов, заложили основания такого понимания природы человека, которое нашло свое закономерное завершение только в метафизике Нового времени Рене Декарта.

Теперь вместе с физикой опять вторгается «Иное». Мы не можем игнорировать открытия, прямо говорящие о разрыве с теми воззрениями, что получили свое завершение с Декартом. Схема сущего, предложенная в свое время Аристотелем, является универсальной. Её эффективность в современной физике может быть продемонстрирована, начиная от явлений квантовой механики и вплоть до синергетики.

Ключевым в данной работе будет обращение к статье «Род или недород» Сергея Сергеевича Хоружего, опубликованной им в 1997 году в «Вопросах философии»⁶. Хотя она была посвящена, прежде всего, описанию виртуальной реальности, её тематика выходит гораздо дальше, и касается одного из фундаментальных вопросов философии – концептуального вопроса описания реальности. Для нас крайне важным является то, что в центре этой работы находится именно аристотелевская метафизика, а точнее, ее критика этим автором, которую мы никак не можем обойти своим вниманием. Не менее важно и то, что в этой небольшой, но основательной работе, схема, предложенная автором, касается любой сферы сущего – от бытия квантовых элементарных частиц и до антропологии. И в этом несомненная заслуга автора. Поскольку автор изначально касается в статье описания виртуальной реальности (ВР), то и мы начнем с этого, а точнее, с обстоятельного разбора основных интенций данной статьи, и только после критического анализа перейдем к нашим основным идеям.

В самом начале работы авторы отмечают существенный разрыв между практическим применением, распространенностью понятия ВР и методами ее описания. Совершенно верно констатируется, что все «представления о виртуальной реальности все время... остаются лишь именно представлениями интуициями, доброй долей лежащими в сфере сырого и недодуманного, противоречивого и туманного.

⁶ Хоружий С.С. Род или недород? Вопросы философии. № 6, 1997. С. 53-68.

Дистанция, отделяющая «представления» от научных понятий и философских концептов, пребывает неопределенной и весьма значительной. Между богатством приложений, широтой популярности и теоретической скудостью, шаткостью, необеспеченностью создается ощутимый контраст⁷. Работа и претендует на то, чтобы преодолеть эту «нежеланную ситуацию».

Автором предварительно выделяется набор главнейших элементов и определяющих свойств виртуальной реальности, которые присущи им во всех сферах их бытования. В качестве наиболее наглядного примера сначала рассматривается как раз квантовые объекты – виртуальные частицы. Например, «“виртуальный фотон” в квантовой электродинамике – объект, наделенный всеми теми же характеристиками, что и реальный, “физический” фотон, однако не удовлетворяющий некоторым существенным условиям и ограничениям на эти характеристики конкретно, его энергия не обязательно является положительной, а его масса не обязательно является нулевой. Аналогично определяется и любая “виртуальная частица”.

Другой рассматриваемый пример – это “виртуальные траектории” в квантовой механике, играющие центральную роль в фейнмановской интерпретации этой теории.

Совсем другой полюс ВР, это психологическая виртуальная реальность, которая является особого рода образом реальности, тем или иным путем формируемый в сознании. От обычных образов, продуктов сознания и воображения ее отличает то, что она выступает для сознания как «действительная среда определенной деятельности человека – иными словами, человек воспринимает себя как пребывающий в данной реальности, и как таковой действует – так что эта реальность обладает характеристиками обычной эмпирической реальности, однако, разумеется, лишена части ее основных предикатов»⁸.

Обобщая рассмотренные примеры, Хоружий приходит к следующему пониманию ВР: «виртуальная реальность, виртуальные явления характеризуются всегда неким частичным или недоовощённым существованием, характеризуются недостатком, отсутствием тех или иных сущностных черт явлений обычной эмпирической реальности. Им присуще неполное, умаленное наличествование, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия»⁹.

⁷ Хоружий С.С. Там же. С. 53.

⁸ Хоружий С.С. Там же. С. 54.

⁹ Хоружий С.С. Там же. С. 54.

Эти особенности весьма существенны и налагают вполне определенные ограничения на пути и средства философского анализа ВР. Именно они диктуют условия, какая философия пригодна для этих целей.

Отмечается, что «подавляющей частью» все основные направления европейской философии в той или иной мере опираются на аристотелевскую, классическую метафизику, на вполне определенную «трактовку базовых категорий философского дискурса. Эта трактовка предполагает, что в наличной реальности, во всяком ее акте, событии, явлении, в существовании как таковом, совершается актуализация определенных сущностных (эссенциальных) начал, и в первую очередь, самой сущности»¹⁰.

Любое событие, явление при этом, в силу своей обязательной связи с эссенциальным началом выступают как завершенные и «самодовлеющие смысловые цельности». Эти события «заклучают в себе определенную сущность, реализуют определенную форму и цель, или определенную “цель-конец”, телос; и они характеризуются полнотой наличествования, пребывающим и устойчивым присутствием»¹¹. Именно эти свойства не соответствуют, как отмечалось выше, свойствам виртуальной реальности. Отсюда вытекает, что для любого классического философского анализа, “дискурса сущности”, как его называет автор, вся сфера существования ВР неотличима от чистого несуществования, она “невидима” в данной “системе координат”. Виртуальная же реальность – неаристотелева реальность, и ее анализ, следовательно, требует выхода за пределы классического дискурса, “дискурса сущности”. Это возможно лишь при устранении «тотального господства» начал сущности, формы, причины и цели, в такой философии, которая бы давала принципиально иные «концепции возникновения, события и явления». Новый философский дискурс требует менее жестких схем, освобождения от эссенциального детерминизма и телеологизма, не предполагал бы, соответственно, понятия «устойчивого наличествования» и пребывания.

Что же лежит в основе понятийного строя классического аристотелева дискурса? Здесь отсутствует, не вводится понятие «событие», а есть «то, что отвечает событию» и эксплицируется «трехэлементной структурой, упорядоченной триадой начал

δυναμις → ενεργεια → εντελεχεια.

¹⁰ Хоружий С.С. Там же. С. 54.

¹¹ Хоружий С.С. Там же. С. 54.

Каждое из трех начал имеет целый спектр значений; укажем важнейшие для нас:
δυναμις - возможность, потенциальность, потенция;
ἐνέργεια - энергия, деятельность, действие, акт, ... осуществление;
ἐντελέχεια - энтелехия, действительность, актуализованность, осуществленность.

Расположение начал несколько не произвольно: вся триада есть оптически упорядоченное целое, которое описывает как *Возможность* посредством *Энергии* претворяется или оформляется в *Энтелехию*¹².

Эта триада является той базисной структурой, из которой может быть осуществлено описание сущего, неким основным «ядром» философского описания реальности. Она есть чрезвычайно гибкая, богатая онтическая конструкция, не в последнюю очередь из-за того, что начала входящие в нее, весьма емки и многозначны. Так, например, в понятии δυναμις можно выделить четыре основные смысловые значения¹³. По разному может также трактоваться не только сами начала, но и их соотношение, сама триада в целом. Каждая трактовка задает определенный способ и русло философствования, среди них существует и такой дискурс, как утверждает автор, который заведомо не является дискурсом сущности.

Предварительно Хоружий отмечает, что источником, главным элементом свободы и неоднозначности является понятие энергии, центральное звено триады. «Находясь в онтическом пространстве или растворе между потенцией и энтелехией, энергия может занимать в этом пространстве разные положения, сближаясь с одним или другим из “крайних” начал. Философии, что возникают при этом, крайне различны»¹⁴.

Классический эссенциализм возникает когда энергия отчетливо дистанцирована от обеих границ триады. Доминирующим началом при этом выступает энтелехия, а также и сама сущность, т.к. по Аристотелю «сущность как форма есть энтелехия»¹⁵, и наоборот, энтелехия есть «сущность, находящаяся в состоянии осуществленности»¹⁶. Потенция и энергия, при этом, четко подчинены и отделены от сущности-энтелехии, как смыслополагающего и производящего принципа всей системы. Вся триада

¹² Хоружий С.С. Там же. С. 55.

¹³ См. Лосев А. Ф. Бытие, имя, космос. М. Мысль. 1993. С. 445-455. Там же см. и об ἐνέργεια.

¹⁴ Хоружий С.С. Там же. С. 55.

¹⁵ Аристотель. О душе, 412 a21.

¹⁶ Аристотель. Метафизика, 1039 a17.

представляет событие как замкнутую и самодовлеющую цельность. Вся реальность оказывается тотально охваченной *сетью закономерности*: «все вещи, явления, события не только реализуют определенные сущности-энтелехии, но также подчинены целой системе эссенциальных принципов – началам цели, причины, формы и т.п., действие которых носит характер законов»¹⁷. Примером именно такого чистого дискурса сущности являют собой системы Спинозы, Лейбница, Гегеля и др.

Пример другого философского подхода Хоружий называет *эссенциально-энергийным дискурсом*. Здесь энергия в смысловом отношении максимально приближена к энтелехии. Реальность при таком подходе также определяется энтелехией и сущностью, однако ближайшим и равносильным, в существенном, даже равнозначным себе принципом имеют энергию. «Фундаментальным предикатом сущности и энтелехии утверждается их энергийность: необходимость энергии для них, их наполненность, обеспеченность энергией... Здесь учитывают, что реализация... [сущности – А.С.] необходимо является действием и нуждается в энергии: *всякая сущность энергийна*. Но принимается и обратное: примат сущности требует, чтобы всякое действие и энергия служили реализации известных законов и эссенциальных начал, т.е. *всякая энергия сущностна*»¹⁸. Два эти тезиса и определяют содержание эссенциально-энергийного дискурса, которому в истории мысли также принадлежит значительная роль. Наиболее ярким и чистым примером является неоплатонизм.

В онтической триаде заложена возможность и третьего, естественно, подхода, когда энергия удалена от энтелехии, и сближена с потенцией. В философии такой подход, как отмечает автор, до сих пор отсутствовал (если не считать дискурсов воли, любви, желания и т.п.). Энтелехия оказывается здесь отделенной от основного ядра, она является как бы дополнительным и произвольным привнесением. Энтелехия устраняется из события, и ее присутствие может рассматриваться как “приумножение сущностей”, устраняемое бритвой Оккама. Теперь в энергии концентрируется все существенное содержание события, она становится доминирующим началом в структуре события и не подчинена сущности-энтелехии.

Событие рассматривается теперь совсем иначе. Ему становится присущим динамичность и открытость вовне, исчезает самодовлеющая замкнутость и завершенность. Предсуществующие цели, причины и формы исчезают, события описывают теперь «чисто энергийную динамику свободной актуализации», допуская

¹⁷ Хоружий С.С. Там же. С. 55.

¹⁸ Хоружий С.С. Там же. С. 56.

множество вариантов и сценариев развития. Она *де-эссенциализируется*: «если прежде энергия была “энергией исполнения”, энергией достижения определенной сущности, цели, формы...- то теперь она делается “энергией почина” начинательного усилия, исходного импульса выступления из возможности в действительность; приближаясь к $\delta\upsilon\nu\alpha\delta\iota\sigma$, она становится чисто динамическим принципом»¹⁹.

Как считает Хоружий, именно этот дискурс может оказаться адекватным для описания природы виртуальной реальности. По своей внутренней организации, «грамматике», дискурс такого рода принадлежит «глагольному типу. Что это означает?

Энергия здесь, как помним, изначально отделена от энтелехии-сущности. Она имеет исключительно “деятельностную” природу, т.е. существует лишь в действии и не существует «сама по себе», в самодовлеющем устойчивом пребывании, что характерно для любой обычной сущности. «Не допуская... никакой субстанциализации или гипостазирования, она представляет собой не «имя», но «глагол», и в структуре события, а затем и во всем дискурсе, она выступает как предикат, «сказуемое»; тогда как в эссенциальных дискурсах их доминирующий сущностный принцип выступает как грамматический субъект, “имя”, “подлежащее”»²⁰.

Новый дискурс рассматривает бытие-в-действии, бытие-в-деле, бытие как самоосуществленность, которое само по себе самоосуществленностью может и не являться. Энергия выступает как «высказывание о бытии», является глагольным высказыванием, говорящим не о том, *какое* (как в эссенциальном дискурсе), а о том, *каким образом* свершается бытие. Такое «высказывание» является еще предельно общим, нет никакого указания, каким образом это бытие свершается. Такое «бытие-действие» априорно включает в себя самые различные «способы свершения» бытия, и необходимо выяснить, как и каким образом эта априорная возможность «различных бытийных горизонтов в энергийном измерении» реализуется

Для этого рассматривается язык событий. В классических эссенциальных дискурсах энергия выводит сущность-энтелехию к осуществлению. Событие здесь - изведение этой сущности, говоря языком Хайдеггера, в «пребывающее присутствие, в наличие». Его можно охарактеризовать как *событие обналичивания*.

Дискурс энергии, как и классический дискурс, также допускает события обналичивания, т.к. в многообразии возможностей-потенции всегда есть возможность *осуществления*, «возможность выступления в наличествование». Однако теперь – это

¹⁹ Хоружий С.С. Там же. С. 56.

²⁰ Хоружий С.С. Там же. С. 57.

«горизонт *обналичиваемого бытия-действия*». Наряду с этой возможностью, существует также горизонт *необналичиваемого бытия-действия*. Следует подчеркнуть, что речь идет не о двух понятиях энергии, но о едином понятии многообразной энергии – такой, что способна порождать «события различного онтологического содержания и статуса».

Такое свойство «онтологической неоднозначности» демонстрируется на примере «свободной» и «связанной» энергии, относящейся к природной, физической энергии. Философский анализ таких возможностей реализации энергии принадлежит В.В. Ахутину, отметившим в античной мысли «два пути»: «путь, ведущий к стихии и путь, ведущий к форме», и эти пути «приводят к двум понятиям энергии. Стихия, понятая как... начало движения, есть вечное, неизменно пребывающее изменение форм, трансформация. Это и есть действительное бытие, энергия стихии или стихия как энергия. Если же идти противоположным путем (который избирает Аристотель) и понять... начало движения как форму, эйдос, то «физически сущее» определяется как... формирование, в основе которого лежит энергийное бытие формы, ближайшим образом – ее самовоспроизводство»²¹.

Хоружий констатирует далее, что горизонт *обналичиваемых событий* и есть горизонт «связанной» энергии, т.е. горизонт *наличного бытия*, где энергия, изводя сущность-энтелехию, оказывается и связанной в некоторую форму. Но чем же тогда являются события со «связанной» энергией? Когда энергия не связана с сущностью, *деэссенциализована*, то она, как уже отмечалось в самом начале этого анализа, *сближена с потенцией* и выступает как «начинательное усилие». Она есть «не столько сформировавшийся акт, сколько лишь побуждение, побудительное движение; и не столько оформившееся движение, сколько чистый импульс, первый толчок или «росток» движения – *вы-движение, вы-ступление из стихии потенции – к актуализации* (впрочем, хотя и начинательное, но уже выступившее, отделившее себя от потенции отчётливо и определённо, ибо имеющее определённую энергию). Подобная энергия, как и событие, порождаемое ею, *непричастны никакой форме никакому телосу*; именно в них реализуется *чистая деэссенциализованность, инаковость всем эссенциальным началам*»²².

Далее Хоружий делает вывод, важнейший для всего последующего анализа. Такие *деэссенциализованные события* не имеют длительности, протяженности.

²¹ Ахутин В.В. Цит. по: Хоружий С.С. Род или... С. 58.

²² Хоружий С.С. Там же. С. 55.

«Событие может не иметь связи с формой лишь в том случае, если оно еще не обрело формы, если у него «не было времени сформироваться»: если же оно имеет длительность, у него с необходимостью возникает и форма, и другие элементы эссенциальности»²³. Отметим сразу, что именно в этом месте у Хоружего при всей верности предшествующего и последующего анализов, наиболее слабое место, на чем мы ниже остановим свое внимание.

Что же означает – «событие не имеет длительности»? Это означает, «что оно имеет «бесконечно малую» длительность... В свою очередь, «бесконечная малость»... означает несоизмеримость с обычной, конечной протяженностью, какой обладает любой «интервал на оси времени», временной промежуток, интегрированный в обычную темпоральность наличного бытия»²⁴. Вывод, который отсюда следует, весьма естественен – не-длящиеся события исключены из временного порядка, из темпоральной структуры наличного бытия. Бытие таких событий дискретно, является отдельно сущим. Такой событие-«миг» принципиально единственно, неповторимо и невозпроизводимо. Обычная длительность является определяющим предикатом наличествования, присутствия. Если же событие не принадлежит горизонту наличного бытия, оно принадлежит иному онтологическому горизонту (и не исключено априори, что нескольким) – является *необналичиваемым событием*. Хоружий отмечает далее антропологический аспект таких событий: «смысл и содержание этого рода событий раскрываются вполне лишь в свете присутствия человека, играющего ключевую роль в онтологии»²⁵. Этот вывод нам понадобится в дальнейшем, а сейчас остановим свое внимание на другом его важном замечании.

Философский анализ, рефлексия вскрывает факт давно известный из квантовой физики. Открывается сопряженность энергии и времени, в частности тот факт, что «чистая», «свободная» энергия исключает время как протяженность и пребывание. Далее делается вывод, что необналичиваемые события обладают всеми свойствами, которые ожидаются от виртуальных событий и горизонт таких событий пригоден для их описания.

В дальнейшем Хоружий останавливает свое внимание на таких необналичиваемых событиях, как события трансцендирования, что само по себе очень интересно, но, вообще говоря, далеко от целей нашего анализа. События

²³ Хоружий С.С. Там же. С. 59.

²⁴ Хоружий С.С. Там же. С. 59.

²⁵ Хоружий С.С. Там же. С. 59.

трансцендирования, как и виртуальные события, являются одним из родов бытия-действия.

События трансцендирования характеризуются направленностью энергии на фундаментальные предикаты бытия, направлены на их радикальную трансформацию. В отличие от них виртуальные события являются «простыми необналичиваемыми событиями», лежат ближе к потенции и «чистой начинательности». «Они осуществляют наименьшее выступление из потенции, представляя собою как бы «минимальные события», сущие на пороге событийности как таковой... Если события трансцендирования можно рассматривать как преодоление наличествования, и в этом смысле, как своеобразные “события *сверх*-наличествования”, то виртуальные события суть чистое умаление наличествования, или “события *недо*-наличествования”»²⁶.

Таким образом, вскрывается определенная структура бытия-действия. На месте одного и единого онтологического горизонта в именных дискурсах возникает три горизонта энергийной онтологии, располагающиеся, по Хоружему, в «онтической упорядоченности», но которые при этом образуют «совместный единый горизонт или измерение бытия-действия:

Событие трансцендирования

События наличествования

Виртуальные события»²⁷.

Подводя итоги предыдущему анализу, можно констатировать, что в рамках дискурса энергии некие роды событий, интерпретирующиеся как некие онтологические горизонты, располагающиеся в измерении бытия-действия. Выводы такого рода дают лишь начальное и крайне неполное знание об онтологии такого рода в целом. К примеру, мы все еще не можем ничего сказать о свойствах и статусе виртуальной реальности. События трансцендирования, наличествования и виртуальные события предстают пока как набор никак не связанных элементов, лишь как некая «свободная структура», о которой известен лишь факт ее существования. Можно ли установить какую-либо связь? Как убедительно показывает Хоружий, для того чтобы продвинуться к цельной картине энергийной реальности, «взятой в ее связи и движении», необходимо учесть присутствие человека. Уже определяя события трансцендирования, Хоружему приходилось привлекать начала сознания и рефлексии.

²⁶ Хоружий С.С. Там же. С. 64.

²⁷ Хоружий С.С. Там же. С. 64.

Как он утверждает далее, человек, его присутствие означает наличие некоего фокуса, центра или источника, где «сходятся все конкретные образы данного бытия».

«Присутствие человека вносит в философский дискурс кардинальные изменения, характер которых можно расценивать как *переход в новую топикку*: этим присутствием изменяется картография дискурса, меняются его проблемные узлы (топос), возникает иная расстановка понятий и иная сеть их связей и отношений. И в первую очередь бытийная картина приобретает связное единство. В дискурсе энергии человек возникает как энергийный микрокосм; сущее, для которого осуществимы все роды событий и которое выступает, тем самым, как начало связности, Nexus, в целокупном бытии-действии»²⁸.

Бытие-действие человека Хоружий определяет как *бытие-бифуркацию*. Горизонты бытия-действия в этом дискурсе оказываются не параллельными, а сходящимися и бытие-действие человека есть «точка схождения этих горизонтов: оно всегда способно осуществиться как в событии трансцендирования, так равно и в событии наличествования, либо виртуальном событии»²⁹.

Положение человека отмечено особой топологией в измерении бытия-действия: «топологией, в которой бытие-действие являет собою “всюду присутствующее”, имманентное онтологическое разветвление (бифуркацию)»³⁰.

Это не единственная особенность положения человека в бытии-действии. Здесь Хоружий останавливается на других особенностях онтологической ситуации в топике человека, детально разрабатываемых им на протяжении ряда лет³¹. Речь идет о своеобразном онто-диалогическом процессе, который имеет непосредственное отношение к рассматриваемым нами виртуальным событиям.

Особое место в топике человека занимают энергии трансцендирования. Как уже отмечалось выше, они тесно связаны с присутствием человека, никак невозможны вне этого присутствия и включают в свою структуру акты сознания и рефлексии. Однако именно здесь обнаруживается коренное отличие этих событий от иных – источник энергии трансцендирования находится вне сферы присутствия человека, эти энергии действуют в человеке, но не зависят от него. Такая природа энергий трансцендирования инициирует *акт обращения*, при котором происходит фундаментальное изменение

²⁸ Хоружий С.С. Там же. С. 65.

²⁹ Хоружий С.С. Там же. С. 65.

³⁰ Хоружий С.С. Там же. С. 65.

³¹ См., напр.: Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб: Алетея, 1994.

статуса этих энергий в той точке, где они действуют. Человек опознает их как энергии Иного, в терминологии Хоружего – энергии Внеположенного Истока. Это приводит к тому, что всю онтологическую ситуацию необходимо пересмотреть. Она становится двухцентральной, биполярной. «...Прежде человек – Nexus выступал как единственный энергийный фокус, центр и исток; но с обращением появился также и другой, Внеположенный Исток. Вследствие этого возникает радикальное отделение и противопоставление энергий трансцендирования как “энергий Иного”.., - всем остальным энергиям человека, “здешнего истока”»³². Это разделение становится теперь критерием действительного онтологического различия в противоположность различия между энергиями наличествования и виртуальных энергий. Последнее есть не что иное, как различие между двумя родами «здешних» энергий, так что оно не оказывается истинным, полноценным онтологическим различием.

Последний вывод и означает, по Хоружему, «что в онтологии, учитывающей полностью особенности топики человека, виртуальная реальность не выступает как автономный род бытия, онтологический горизонт. Она опознается как своеобразный суб-горизонт в горизонте энергий “здешнего истока”, представляя собою *не род, но недо-род бытия*»³³. Это центральный вывод работы Хоружего: «Виртуальная реальность, - недо-выступившее, недо-рожденное бытие, и одновременно – бытие, не имеющее рода, не достигшее «постановки в род». Это – недород бытия в смысле таксономических категорий, равно как и в смысле рождающего бытийного импульса».

Таким образом, Хоружим обрисован общий «онтологический аспект виртуальной реальности», построен онтологический каркас, опирающийся на ту же самую аристотелевскую триаду, используемую нами ранее при описании квантовых явлений. Можно высказать предположение, что эта схема является наиболее адекватной при описании всех явлений «полионтологической реальности», собственно каким и является, по нашему мнению, наше бытие.

Представленная Хоружим схема отличается серьезной обстоятельностью, продуманностью и проработанностью. Автором при этом, по его признанию, обрисован только общий «онтологический аспект виртуальной реальности», построен онтологический каркас, позволяющий ее описать. Несмотря на то, что мы в целом разделяем такой триадный подход в описании ВР (в целом он идентичен той схеме,

³² Хоружий С.С. Там же. С. 66.

³³ Хоружий С.С. Там же. С. 66.

которая предложена нами для описания квантовомеханической реальности), целый ряд вопросов требует существенного уточнения.

Вовсе не случайно в статье рассматривается пример виртуальных частиц в современной физике. Это один из теоретических объектов, в связи с которыми в свое время обсуждалась проблема физической реальности. Виртуальные частицы (ВЧ) - это такие объекты в современной квантовой теории поля, наделенные всеми теми же характеристиками, что и реальные, «физические» частицы, но не удовлетворяющие некоторым существенным условиям и ограничениям на эти характеристики конкретно. Более точно – это такие частицы, которые имеют такие же квантовые числа (спин, масса, электрический и др. заряды), что и соответствующие реальные частицы, но для которых *не выполняется* обычная (справедливая для реальных частиц) связь между энергией (E), импульсом (p) и массой (m) частицы: $E^2 \neq p^2 c^2 + m^2 c^4$.

Например, для виртуального фотона масса его необязательно нулевая, а энергия не является обязательно положительной. ВЧ характеризуются некоторым «мерцающим» бытием. Ни одна из них не существует тем образом, как обычные частицы, они не обладают бытием наличным, выступают, как бы на мгновение, из потенциальности, полностью никогда не актуализируясь. Это проявляется в так называемой «флуктуации» вакуума, зафиксированном экспериментально (напр., т.н. «лэмбовский сдвиг»).

Другой пример, которые уже также рассматривались - это компьютерные виртуальные реальности. Еще раз повторим, что они представляют собой особого рода образ реальности, формируемый в сознании с помощью современных компьютерных технологий. Это психотехнический образ реальности, в котором, в отличие от обычных образов воображения, человек воспринимает себя как пребывающим в данной реальности и где он может тем или иным способом действовать.

Обычно считается, как мы уже указывали выше, что все эти типы ВР, как, например, рассмотренные выше, сущностно одинаковы. Однако можно легко показать их кардинальные различия.

Легко видеть, что виртуальные частицы, хотя и не «существуют» в обычном смысле и именно поэтому виртуальны, но, тем не менее, сущностью они обладают. Сущность дает ответ на вопросы: «Что есть вещь?», «Что такое есть этот объект?», т.е. выявляет его *чтоиность*. С физической точки зрения понятие сущности для элементарных частиц выражается в таких ее параметрах, как масса, заряд, спин и т.д., то есть в тех их свойствах, которые дают возможность их отличия друг от друга.

Виртуальные частицы, несмотря на свое «недоволощенное» состояние, обладают теми или иными физическими параметрами, т.е. они обладают сущностью. Однако принадлежат они иному модусу сущего, модусу *бытия потенциального*, где они необходимым образом обладают иной связью динамических и эссенциальных свойств, задающих конкретный способ их бытия.

Совсем иначе обстоит дело с компьютерными виртуальными реальностями. Здесь мы действительно вступаем, как и замечает Хоружий, в область не-аристотелева дискурса, область бытия парадоксального и неожиданного, что, по-видимому, и затрудняло до сих пор полноценный философский анализ этой реальности.

Здесь действительно нельзя говорить о чистом несуществовании, о невидимости этой сферы. Человек, погружаясь в мир компьютерной виртуальности, легко в ней ориентируется и действует. Однако, несмотря на «существование» этой сферы, даже ее «осязаемость», она никакой сущностью, на наш взгляд, не обладает.

Более подробный анализ требует вспомнить, что же мы подразумеваем под сущностью, причем в смысле онтологическом, а не в гносеологическом, как рассматривалось это понятие выше.

Согласно античной традиции, рецепированной позднее средневековой философией и логикой, а также и позднейшей метафизикой - сущность есть сущее, характеризующаяся самосущим, самодовлеющим бытием, бытием самим по себе (*per se*), в самом себе (*in se*), а не в чем-либо другом (носителе, субстрате, подлежащем), в отличие от бытия случайного, привходящего, акцидентального.

Компьютерные виртуальные реальности, с точки зрения этого определения, никаким самосущим, самодовлеющим бытием, бытием самим по себе, не обладают. Они требуют своего носителя, без него просто не существуют.

Парадоксальность такого бытия состоит в том, что «существует» то, *чего* по сути *нет*. Реальность такого рода не обладает сущностью, оно не-эссенциально. А раз оно не-эссенциально, то оно и не может актуализироваться, достигнуть состояния энтелехии, осуществленности. Это есть «бытие-действие» о котором говорит Хоружий, чистая область действия, которая никогда не обладает завершенностью, законченностью, и в этом смысле *бесцельна*, т.к. энтелехия и есть «телос», конец, цель вещи, которой тут как раз и нет.

Итак, если мы утверждаем о принципиальной неустранимости понятия сущности, по крайней мере, для виртуальных частиц, то вся схема Хоружего нуждается в корректировке. Это становится тем более заметно, что виртуальные частицы

проявляются, в терминологии Хоружего, в бытии-действии, принадлежат горизонту необналичиваемых событий. Однако они, как и все квантовые объекты, совершенно не связаны с фактом «присутствия человека». И наоборот, связь компьютерных ВР с «присутствием» человека очевидна.

Далее, не столь очевиден вывод об отсутствии длительности для всех типов «необналичиваемых событий»³⁴. Для случая компьютерной ВР вполне можно говорить о времени, о длительности ее событий. Иное дело, что речь должна идти об иной темпоральности, *отличности* ее событий от событий обычной реальности, что и констатируется многими авторами. Вывод Хоружего верный для событий трансцендирования и событий, связанных с виртуальными частицами, не может быть так просто обобщен на все типы ВР. Следовательно, его схема нуждается в доработке, чтобы она была способна описать все типы возможной реальности.

Ключевым является все-таки введение понятия сущности, которого Хоружий и пытается избежать, хотя именно это понятие он фактически использует, постоянно говоря об эссенциальных характеристиках объектов или, соответственно, о деэссенциальности. Если вспомним определение, то - сущность есть сущее, характеризующаяся самосушим, самодовлеющим бытием, бытием самим по себе (*per se*), в самом себе (*in se*), а не в чем-либо другом (носителе, субстрате, подлежащем), в отличие от бытия случайного, привходящего, акцидентального. Говоря только об ее «прямой и обоюдной» связи с энтелехией (см. выше), Хоружий до конца их не различает, что фактически приводит к их отождествлению. Однако, это не верно.

Во-первых, как нами уже указывалось, Аристотель чаще энтелехию соотносит с энергией, и характеризует эргон, энергию и энтелехию как родственные по смыслу. Кроме того, иногда Аристотель соотносит потенцию с энтелехией, иногда с энергией. «Наряду с термином энтелехия и даже чаще Аристотель пользуется термином энергейя, но с несколько иным оттенком. Энергейя обозначает переход потенции в ее реализацию, деятельность, акт; энтелехия - завершение этой деятельности" (Аристотель "Физика", кн. I)»³⁵.

Далее, хотя энтелехия и есть «сущность, находящаяся в состоянии осуществленности» [Метафизика, 1039 a17], между ними имеется существенное различие. Энтелехия есть «вышедшее к цели, к концу, у завершенности». Но становится *что-то*, приходит к бытию то, чего в нем еще *не стало быть*. Это и есть

³⁴ Хоружий С.С. Там же. С. 59.

³⁵ Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., Наука. 1980. С. 286.

сущность. В данной работе мы не будем исследовать диалектику сущности, связь ее с наличным бытием, лишь отметим определенную близость нашего взгляда к позиции А.Ф. Лосева³⁶. При таком подходе сущность есть определенность бытия, но без самого бытия, «отражение бытия в иную область». Одно из известных определений сущности у Аристотеля дает его как $\tau\omicron\ \tau\iota\ \eta\nu\ \epsilon\iota\nu\alpha\iota$ – «тем, что было быть». Терминологически это близко к гегелевскому пониманию сущности. *Wesen* (сущность) указывает на прошедшее время: сущность есть как бы то, что было (*gewesen*). «такая связь сущности с прошедшим несколько не случайна. Ведь что такое прошедшее? Прошедшее – то, что лишилось возможности быть в настоящем. Оно очень даже продолжает быть, но только не в качестве бытия, и в частности наличного бытия, но именно в качестве сущности. Вещи миновали, умерли, исчезли; но -осталась их сущность. И в качестве сущности они существуют и теперь, хотя в качестве бытия их теперь уже нет»³⁷. Есть некий разрыв между сущностью и воплощенной вещью, и этот разрыв и дает возможность воплощения. Сущность, при таком подходе, трансцендентна бытию наличному. Уже $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\sigma$ является, как отмечалось нами при анализе квантовомеханической онтологии, иным модусом бытия, отличным от бытия наличного, актуального. И еще в большей степени это касается онтологического статуса сущности. Сущность как раз есть то, что и «существует само по себе». Набрасывая контуры квантовой онтологии, мы критиковали понятие субстанциальности, главное в котором было понятие «ненуждаемости» (см. выше), следовавшее из определения субстанции у Декарта. Критика «существования самого по себе» относилась лишь к области бытия наличного. Любая вещь, объект имеют свою сущность, но она не принадлежит «здешнему» горизонту, хотя и «здесь» воплощается, осуществляется, существуя «само по себе» лишь в инобытии. И нам здесь важно констатировать изначальную «расщепленность», многомодусность, полионтичность бытия. Именно такая структура и позволяет описать непротиворечиво, *единым образом* многие явления – от квантовомеханических явлений до событий виртуальной реальности. Но структура такой реальности необходимым образом отличается от той, что рассматривалась Хоружим. Заметим то, что тот «классический аристотелев дискурс» (см. выше), о котором говорится этим автором, не является схемой самого Аристотеля, а интерпретацией Хоружего. Аристотель вводит не триаду понятий, а тетрактиду. Он рассматривает четыре рода сущего, связывая их с четырьмя видами причинности (см. напр. «Метафизика» I 3, V 2,

³⁶ См., напр.: Лосев А.Ф. Миф, число сущность. М.: Мысль, 1994.

³⁷ Лосев А.Ф. Миф, число сущность. М.: Мысль, 1994. С. 464.

VII 4, «Физика» II 3, «О частях животных» I 1 и др.). Ключевым является сущность, «чтойность» вещи - *ουσια*, «определение сути бытия» вещи, и, соответственно, формальная» причина. Вводится также материя и причина материальная - «то “из чего”, как внутренне ему присущего, возникает что-нибудь, например медь – причина этой статуи» («Физика» II 3). Далее Аристотель вводит «бытие в возможности» - *δύναμις*, как третье *«особое природное начало»*, которое «опосредует» противоположности сущность и материю, что невозможно было сделать в рамках метафизики элеатов, которую наследовал Платон. Это «третье» является «средним членом», как определяет Аристотель – «начало какой-то особой промежуточной природы»³⁸, оно и дает возможность описать движение, подвижное, и не случайно определяется Аристотелем, как «начало движения или изменения, которое находится в другом или поскольку оно – другое» (Метафизика, V, 12). С этим началом связывается действующая причина. И, наконец, *цель*, т.е. «ради чего». Это и есть осуществившееся, или энтелехия – действительность, актуализованность.

Получаем следующий ряд понятий:

ουσια – сущность, «чтойность» вещи

δύναμις – возможность, потенциальность, потенция;

ύλη – материя;

εντελεχεια - энтелехия, действительность, актуализованность,

Рассмотренная тетрактида, или *четверица* понятий является универсальной. В ее рамках можно схватить и описать все *природное*, начиная от квантово-механических явлений и вплоть до явлений синергетики. Она же позволяет описать и существенно разные виртуальные события. Можно показать, например, в чем различие между виртуальными частицами и компьютерными виртуальными реальностями. ВЧ обладают сущностью, их сущности, *логосы* (говоря языком античности) укоренены в бытии. Здесь отличие нашей позиции от позиции Хоружего. У него ВЧ принадлежат сфере «свободной энергии», она рассматривается деэссенциализованной, выступает как «начинательное усилие». «Подобная энергия, как и событие порожаемое ею, непричастны никакой форме и никакому телосу; именно в них реализуется чистая деэссенциализованность, инаковость всем эссенциальным началам»³⁹. Но, спросим себя, если нет *никакой* формы, *никакой* сущности, то что же тогда выступает из потенции?

³⁸ Аристотель. Физика, А, 6, 189 b 20-22.

³⁹ Хоружий С.С. Там же. С. 58.

Что и как описывается в квантовой электродинамике – если *нет ничего*? Чему мы придаем какие-то характеристики – заряд, массу и т.д. Мы вынуждены признать существование какой-то формы, какой-то сущности ВЧ. Их существование принадлежит, по нашей трактовке, сфере $\delta\nu\alpha\mu\zeta$, не достигая при этом завершенности, не выходя к сфере бытия наличного. Компьютерная виртуальная реальность является *виртуальностью* в полном смысле этого слова. Здесь отсутствует сущность, форма, точнее присутствует *виртуально*, пока присутствует носитель – компьютер и человек, Nexus, связующий оба онтологических горизонта.

Из нашего анализа следует и несколько иное понимание темпоральности, чем у Хоружего. У него «длительность - определяющий предикат наличествования, устойчивого пребывания, присутствия». Но, пребывая в компьютерной виртуальной реальности, например, в своем будущем доме, ходя по нему и намечая перепланировку, разве этим событиям мы не приписываем длительности? Да, здесь темпоральность иная, но отсутствует ли она вовсе? Время существует не только при обналичивании событий, не только при факте «обретения формы», но, на наш взгляд, является определяющим предикатом *изменения, движения* в самом широком смысле. Отсюда следует сущностная связь времени с изначальной *расщепленностью* бытия, его многомодусностью. Центральную роль при этом играет категория $\delta\nu\alpha\mu\zeta$. Ведь как раз ее Аристотель ввел для описания движения, изменения, как промежуточную категорию, наряду с бытием и небытием, где времени ввести невозможно. Бытие в классическом его понимании не может быть связано с изменением, движением и может характеризоваться только вечностью. С понятием движения движением всегда неявно присутствует каким-то образом понятие небытия, что отмечалось в «Софисте» уже Платоном. С введением понятия $\delta\nu\alpha\mu\zeta$ Аристотелю и удалось впервые описать реальную, добавим – изменяющуюся во времени, природу - $\phi\nu\sigma\iota\zeta$.

Один из основных выводов, следующий из нашего анализа, говорит также о связи времени с многомодусностью бытия, описать главнейшие свойства которого мы и стремились. С четырьмя формами сущего и четырех соответствующих причин связываются естественно и четыре формы времени. Не просто время вообще, как некая абстрактная длительность, но именно **четыре** формы времени. Как и каким образом? Обратимся ещё раз к изложенной схеме.

Итак, вводятся формальная и материальная, действующая и целевая причины. Формальная причина связывается с формой вещи как первообразом или определением

сути бытия данной вещи. Говоря платоновским языком, это эйдетическое начало, эйдос вещи. Это подлинное бытие, и оно связано с вечностью, понимаемой не как у Аристотеля, как бесконечная длительность, а то, что находится вне времени. Эйдетическому началу противостоит материя, понимаемая как недо-бытие – *τὸ μὴ ὄν*. Если эйдетическое начало познаваемо, вечно и неизменно, то материя непознаваема, текуча и изменчива, о ней нельзя сказать ничего определенного. Если с формой и эйдосом мы связываем вечность, то с материей можно связать её противоположность – неуловимое мгновение настоящего времени, которое находится между сущим и не-сущим. Это время и выступает как «подвижный образ неподвижной вечности» (Платон).

В платоновской схеме отсутствует опосредующее начало между эйдетическим началом и материей. Такое звено, как мы уже указывали выше, вводится Аристотелем для объяснения движения, становления, являющейся основной чертой природного мира, мира *φύσις*'а. Это *δύναμις*, *способность*, или *бытие в возможности*, определяемое Аристотелем как «начало движения или изменения вещи, находящееся в ином». Для того чтобы описать подвижное нужна триада понятий: *необходимое – возможное – актуальное*. *Возможное* в этой схеме является «средним членом», оно опосредует, соединяет две противоположности, и несет их «отпечатки» в самом себе. *δύναμις* опосредует, лежит «посередине» между двумя ними, как в зеркале отражает их и позволяет выйти к осуществленности, эйдетическому, вечному. Это и есть та «сила» - *δύναμις*, выводящая из «сокрытости» сущность, «чтойность» вещи – *οὐσία*. С этим родом сущего связывается действующая причина (производящая) причина, «то, откуда берет первое свое начало изменение». Именно с действующей причиной, как проектом, сопряжена форма будущего времени. Действующая причина связана с возможностью и задает будущую реализацию этого возможного. Если коррелятом возможности выступает действительность, то коррелятом действующей причины является «ради чего», т. е. целевая причина, или *осуществившееся*. Осуществившееся, цель, или, по Аристотелю, *энтелехия*, – это то, что получило свое завершение, конец (*τέλος*). Определение энтелехии мы можем найти во второй главе второй книги «Метафизики» Аристотеля: «“То, ради чего” – это конечная цель, а конечная цель – это не то, что существует ради другого, а то, ради чего существует другое; так что если будет такого рода последнее, то не будет беспредельного движения; если же нет такого последнего,

то не будет конечной цели»⁴⁰. Итак, существует это последнее, то, что «имеется [среди неподвижного]»⁴¹, осуществившееся, и по своему смыслу оно связано с формой прошлого времени, а отнюдь не с будущим. Цель, оно же целое, есть осуществившееся, и оно связано именно с прошлой формой времени. Феноменальный и природный миры, мир вещей связаны с прошлым, об этом говорит вся метафизика, от Аристотеля до Гегеля. Ставшее, по Аристотелю есть энтелехия, т. е. «сущность, находящаяся в состоянии осуществленности»⁴². Энтелехия есть вышедшее к цели, к концу, к завершенности. Но становится *что-то*, приходит к бытию то, чего в нем еще *не стало быть*. Это и есть сущность. При таком подходе сущность есть определенность бытия, или, говоря языком Гегеля, «отражение бытия в иную область». Одно из известных определений сущности у Аристотеля дается им как $\tau\acute{\iota}\ \eta\nu\ \epsilon\iota\nu\alpha\iota$ – «тем, что было быть». Терминологически это близко к гегелевскому пониманию сущности. По Гегелю⁴³ *Wesen* (сущность) указывает на прошедшее время: сущность есть как бы то, что было (*gewesen*). С формой же будущего времени, повторим еще раз, связано «начало движения или изменения», *возможное*, с которым соотносится действующая причина.

С чем же мы имеем дело в физических явлениях? Рассмотренная тетрактида, или *четверица* понятий является универсальной. В ее рамках можно схватить и описать все *природное*, начиная от квантово-механических явлений и вплоть до явлений синергетики. Казалось бы, если отталкиваться от интуитивных и обыденных представлений, целевую причину нужно связывать с будущим. И даже когда мы говорим вместе со Стагиритом «ради чего», то, кажется, подразумеваем будущее. Однако это всего лишь видимость. Будущее – всегда проект, возможность, это то, что еще не стало. А то, что стало и получило завершение, «находится среди неподвижного», уже не действует. Утверждение «будущее временит настоящее» находится в четкой оппозиции, попросту противоречит аристотелевскому: «...конечная цель – это не то, что существует ради другого»⁴⁴. Активным началом всегда является действующая причина.

⁴⁰ Аристотель. Метафизика. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 96.

⁴¹ Аристотель. Там же. С. 309.

⁴² Аристотель. Там же. С. 215.

⁴³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2: Учение о сущности. – С. 7.

⁴⁴ Аристотель. Там же. С. 96.

Здесь есть одна интересная вещь, которой касается синергетика. У Аристотеля целевая причина, как «неподвижное», никак не может «временить» настоящее, как это часто рассматривается у отечественных синергетиков. Такие представления, на наш взгляд совершенно неверные, из-за неразличения *формы*, как эйдетического начала, и ее реализации – *цели*, уже получившей свое воплощение. Цель всегда отображает форму, является ее реализацией. Форма и *осуществленное* всегда «конгруэнтны» друг другу, «неподвижны», и, следовательно, не могут выступать как «начало движения». Если уж и связывать что-то из них с *движением*, то более адекватным было бы рассмотрение именно формы, а не ее воплощения (цели). Форма выступает как своеобразный «неподвижный двигатель». Это хорошо видно при решении тех задач, в которых и возникает понятие «странного аттрактора». Приведу простой пример. При численном решении любой сложной задачи используется «метод конечных разностей». При расчете того или иного параметра системы q задается его начальное состояние q_0 и определяется его приращение Δq . Отталкиваясь от изначального значения q_0 на каждом шаге итерации получаем $q = q_0 + \Delta q$. Приращение Δq определяется уравнениями $\Phi = \varphi(q, t)$, описывающими динамику системы, которые с точки зрения философии и задают форму явления. Варьируя начальный параметр q_0 , можно получать различные траектории системы. Их ход предопределен, но не *целью*, а формой, говоря шире, законом $\Phi = \varphi(q, t)$, рассматриваемого явления. В данном случае нужно говорить скорее об этернализме, когда вечная и неизменная форма определяет ход явлений. Не *будущее*, которое не известно, и которое никак не может быть заложено в уравнениях, а некоторый *закон*, который, выступая как познаваемая *чтойность* явления, определяет конечный исход всего процесса. В качестве такого закона может выступать не только объективный закон природы, но и его рациональная экспликация, например, компьютерная программа, по которой рассчитывается явление. Настоящее при таком подходе «временится» не будущим, а, как у Платона, вечным. Время при этом, как и Платона, есть подвижный образ вечности, и явление (вещь) – проявление вечной и неизменной формы (эйдоса).

В заключение этой работы хотелось бы остановиться, хотя бы и кратко, на одном существенном моменте. Несмотря на критику Хоружего, есть один аспект в его работе, который весьма и весьма существенен. Сергей Сергеевич Хоружий последовательно развивает дискурс *глагольного типа*, противопоставляя его дискурсу эссенциальному, к которому относится также и данная работа. Вот тут имеется одно но... Реальность, в

который мы живем и пребываем, не является *статuarной*, она динамична и процессуальна. Уже Аристотель вводил понятие «бытие в возможности», чтобы описать подвижный характер природы. Греческий язык, в отличие от русского, в большей степени передает динамический характер наблюдаемой реальности. Понятие подвижности включает и само греческое слово «природа» - *φύσις*, и понятие "деятельность" (*ἐνεργεία*), часто используемое Аристотелем, двояко, что и отмечалось Хоружим. Кроме самой «деятельности», оно означает и «действительность» и по смыслу приближается к энтелехии - "осуществленности" (*πρὸς ἐντελέχειαν*). Впрочем, и в русском языке слово «действительность» происходит от «действовать», также несущее печать динамичности. Но тут уже надо вслушиваться в свой язык. Как говорил Хайдеггер «язык пастух бытия».

Развивая свой дискурс глагольного типа, Хоружий С.С. делает акцент на понятии *ἐνεργεία*. Но оно означает при традиционном подходе только переход от потенции к действительности. И на наш взгляд, необходимо различать как модусы сущего, так и переход между ними. В метафизическом подходе, развиваемым Хоружим, происходит их смешение, а точнее, не различение модусов сущего и перехода между ними. Устранение эссенциального начала приводит, что интересно, в своем радикальном развитии, в тот же тупик, что и чисто элеатская метафизика. В обоих диаметрально противоположных подходах исчезает понятие реальности как таковой. Либо она попадает как у элеатов в область «мнения», либо как в буддийской метафизике, лишаясь формы, становится абсолютно текучей, изменчивой майей-иллюзией. Для нас оба вывода представляются неприемлемыми. Необходим «срединный» путь. И в рамках его, тут можно согласиться с Хоружим С.С., схема, восходящая к Аристотелю, представленная нами, может оказаться голой формальной схемой, лишь отчасти схватывающей лик подлинной реальности. Как и в каких терминах её схватить и описать, как представляется, и должно стать задачей философии XXI века.